

УДК 711.168+72.03+725.1
DOI: 10.17223/2312461X/16/5

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ КАК ФОРМА ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА 1920–1930-х гг.: ОПЫТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ*

Михаил Сергеевич Ильченко

Аннотация. Анализируется оправданность использования понятия «незавершенный проект» в применении к советской градостроительной практике 1920–1930-х гг. Обращаясь к опыту социалистических городов, автор показывает, что сама попытка оценки процесса их строительства в жесткой нормативной логике «соответствия плану» оказывается малопродуктивной. Это объясняется тем, что проектирование большинства новых поселений в Советском Союзе на рубеже 1920–1930-х гг. осуществлялось при постоянной смене установок и корректировке градостроительных стандартов, что приводило к появлению многочисленных промежуточных «планов» и «проектов», определявших ситуативными факторами строительного процесса – имеющейся ресурсной базой, организационными условиями и пр. В таком контексте понятие незавершенности оказывается формальной характеристикой строительного процесса, пытающейся зафиксировать степень реализации градостроительного проекта в отсутствие четких критериев его оценки. Более того, использование понятия незавершенности в нормативном ключе мешает разглядеть уникальность и своеобразие регионального опыта советского градостроительства, дающего многочисленные примеры появления оригинальных градостроительных решений в результате работы архитекторов в экстремальных условиях и вынужденного использования нестандартных приемов и технологий. Автор полагает, что такая ситуация является следствием утверждения в публичном дискурсе нарратива «нереализованной утопии», рассматривающего советскую архитектурную традицию в символических категориях «неовплощенного проекта» и «несостоявшегося будущего». В его рамках незавершенность оказывается не столько аналитической характеристикой и четким критерием оценки, сколько метафорой и фигурой речи, которая формирует особый ракурс восприятия советского архитектурного опыта и влияет на характер и направленность его анализа.

Ключевые слова: советское градостроительство, советский город, социалистический город, незавершенный проект, утопия, нарратив, история советской архитектуры

Незавершенность можно по праву считать одним из ключевых понятий, через которые сегодня мыслится советское градостроительство 1920–1930-х гг. Нереализованные и незавершенные проекты советских

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

архитекторов традиционно являются предметом пристального разбора и анализа (Обермаир, Шапиро-Обермаир 2008; Чепкунова 2014), развитие многих городов советского периода нередко рассматривается через призму неосуществленных замыслов их реконструкции (Яковлева 2015; Косенкова 2010), «незавершенным» признается «авангардный» проект советской архитектуры (Паперный 2011), а в некоторой степени – и весь советский архитектурный проект в целом (Paper Architecture 1990: 7–9). Одним словом, незавершенность признается если не сущностной чертой советского градостроительства, то его отличительной особенностью и неотъемлемым символическим атрибутом.

Значимость фактора незавершенности всегда определяется масштабом нереализованного проекта. Чем претенциознее замысел, тем ощутимее символический эффект от того, что он не был воплощен. Советская архитектура в этом смысле полностью соответствует такой логике. Само ее существование в 1920–1930-е гг. во многом определялось утверждением бесконечных планов и постановкой всевозможных целей разного уровня и масштаба – инфраструктурных, социальных, идеологических.

Между тем, исследования советских градостроительных реалий, проводимые в последнее время, все чаще указывают на то, что «плановое» начало далеко не всегда в состоянии объяснить логику возведения как отдельных архитектурных объектов, так и крупных городских поселений советского периода (см. напр.: Косенкова 2009; Советское градостроительство 2010; Конышева, Меерович 2012; Постфордизм 2015: 202–222). Более того, само использование понятия «план» в приложении к архитектурной ситуации 1920–1930-х гг. во многих случаях следует трактовать, скорее, как метафору, нежели реальную установку в градостроительной практике (Косенкова 2009: 12).

Какое смысловое значение в таком контексте приобретает понятие «незавершенности»? Насколько корректным оказывается его использование в жесткой нормативной логике «проект–реализация»? Оправдано ли его применение вне этой схемы? И какую роль понятие «незавершенности» играет для формирования современного восприятия советского градостроительного наследия 1920–1930-х гг.?

Эти вопросы предполагается рассмотреть на примере проектирования и строительства «социалистических городов» – одного из наиболее масштабных и радикальных проектов советской архитектуры 1920–1930-х гг.

Соцгород как воплощение советского градостроительства 1920–1930-х гг.: замысел, риторика, практика

Идею создания так называемых социалистических городов можно считать едва ли не эталонным воплощением планового начала в совет-

ском градостроительстве. Новые поселения вблизи крупных промышленных предприятий предполагалось строить по единому плану, в короткий срок и в жестком соответствии всем социальным и идеологическим стандартам. Их проектирование с самого начала было призвано демонстрировать торжество рационального мышления в последовательном созидании «новой реальности» (Сабсович 1929; Милютин 1930; Черня 1930). Акцентирование способности «механистически» сконструировать новый город для советских идеологов в этом смысле было гораздо важнее многих практических моментов. Соцгорода получали новую символическую точку отсчета, утверждаясь «отказом от прошлого» и любых существующих традиций – культурных, социальных или архитектурных, а также мыслились в «пустом» пространстве – возведение новых городов нередко начиналось в голой степи или глухом лесу (см. напр.: Черня 1930; Гречуха 1933; О социалистических городах 1934; Попов 1934).

Вместе с тем реальные условия и обстоятельства проектирования социалистических городов слабо соответствуют этим постулатам. Вся история их строительства наглядно демонстрирует, что само понятие «градостроительного проекта» в применении к соцгородам оказывается весьма размытым и условным. А значит, и использование категории «незавершенности» в таком контексте становится весьма неоднозначным.

Во-первых, социалистические города с самого начала были вынуждены существовать в разрыве между риторикой о новых «городах будущего» и реальной градостроительной практикой, слабо соотносившейся с призывами, манифестами и архитектурными программами. Ситуацию несоответствия между «декларируемым» и «реальным» можно считать типичной для всей системы социального строительства первых советских десятилетий. Однако для социалистических городов она имела особое значение. Само понятие соцгорода возникло в конце 1920-х гг. как сугубо теоретический конструкт, не имевший прямых аналогов в архитектурной практике. Соцгород являлся предметом оживленных обсуждений с участием специалистов и широкой публики, разделял дискутировавшие стороны на «лагеря», выступал ориентиром в составлении многочисленных планов и проектов, формировал профессиональные стимулы, определял мировоззрение молодого поколения архитекторов, но при этом в реальной практике градостроительства долгое время существовал скорее в виде желанной цели, нежели четко го механизма организации поселения. В этом смысле знаменитая дискуссия «о социалистическом расселении», широко развернувшаяся на страницах советской печати в 1929–1930 гг. (см. напр.: Охитович 1930а; Барщ и Гинзбург 1930; Барщ и др. 1930; Сабсович 1930; Охитович 1930b; Пузис 1930; Вереzubов 1930; Заславский 1930), служила не столько информационным сопровождением строительства новых посе-

лений, сколько утверждала сам образ нового социалистического города, определяя его функциональную роль и символическое значение (Меерович, Конышева, Хмельницкий 2011).

В сущности, риторика и способ разговора о социалистических городах выполняли функцию полноценного регулятора, они задавали символические границы новых территорий, формировали образ места, закрепляли в восприятии новые пространственные структуры. Декларации, манифесты, программные статьи, официальные речи, стенограммы выступлений, призывы и обращения – все это не просто было символическим довеском к процессу строительства, а представляло собой одну из форм существования новых городских образований. Не случайно поселения, которые в реальности находились либо на начальной стадии строительства, либо вовсе лишь намечались в проекте, нередко подавались на страницах печати как уже существующие и функционирующие городские организмы (см. напр.: Вікторов 1930; СССР на стройке 1932; О социалистических городах 1934). Во многом именно это определяло характер их восприятия и пространственный образ.

Соцгорода в этом смысле существовали как бы в двух измерениях. В одном они представляли собой новый самостоятельный городской организм, идеально воплощающий принципы функционирования социалистического общества (Милютин 1930). В другом – являлись не более чем приложением к крупным промышленным объектам, призванным решить сиюминутные задачи по расселению большого числа новых работников (Конышева, Меерович 2012: 8–25).

Такая «двойственность» обуславливала неоднозначность вопроса о том, что стоит считать проектом социалистического города, на реализацию которого была ориентирована вся градостроительная отрасль, и, как следствие, чем мерить степень его воплощенности. Идеальным образом, рисуемым архитекторами? Общими нормативными предписаниями власти? Или многочисленными проектами по созданию новых поселений, разрабатываемыми непосредственно на местах?

В этой связи неудивительно, что в условиях разговоров о «новых советских поселках» как центрах формирования «нового, социалистического, коллективного быта» (Милютин 1930: 8) соцгорода мыслились в качестве естественной составляющей системы переустройства общества в целом, т.е. далеко вне собственно градостроительных рамок. По большому счету, в сознании советских идеологов они представляли собой своеобразный социальный инструмент, приводимый в действие набором установленных и выверенных механизмов (см.: Конышева, Меерович 2012: 8–25). Количество населения новых городов, его состав, характер и степень досуговой занятости, уровень вовлеченности в работу общественных учреждений – все это подчинялось строгим формулам и расчетам (см. напр.: Барщ и др. 1930; Милютин 1930; Пу-

зис 1931; Предпосылки реконструкции жилых районов Москвы 1933; Покшишевский 1934; а также анализ методов исчисления количества населения соцгородов в Меерович и др. 2011: 58–73).

Проект строительства соцгородов оказывался измеряем не столько градостроительными критериями, сколько успехами социалистического строительства в целом. А это делало любую оценку их развития предельно размытой, давая возможность архитекторам оправдывать неудачи в процессе строительства отсылками к «глобальным целям». «Незавершенность», или «незаконченность», в этом смысле оказывалась как бы изначально присущей градостроительному проекту в силу его ориентированности на решение масштабных социальных задач.

Уязвимость такого подхода стала очевидна уже по прошествии первых лет строительства новых поселений. Начиная с 1933 г. со страниц советской печати стали раздаваться призывы к градостроителям не прятаться при решении вопросов «архитектурной организации города» за «общие разговоры о мировых проблемах» и «не браться за дело технoэкономических расчетов» (Попов 1933: 16). При этом все больше скепсиса стали вызывать и сам «рационально-технический» подход к проектированию. Новой актуальной установкой в работе стали необходимость избегать «абсурдно механической» планировки «на все случаи жизни» и стремление к «стандартизации только элементов, частных, но не целого» (Гречухо 1933: 10).

Впрочем, эти изменения в риторике не могли скрыть главного. Опыт первой пятилетки явственно показал, что основная проблема строительства социалистических городов заключалась не столько в несоответствии изначальным планам и задумкам, сколько в отсутствии четкого плана их проектирования как такового. В начале 1933 г. идеологи градостроительной кампании были вынуждены констатировать: «Целый ряд новых городов мы фактически построили без утвержденных проектов планировки» (Ефремов 1933: 10). И при этом вполне откровенно признавали, что никакой «единой методологии в работе проектирующие органы не имеют», а «проработка проектов планировки ведется, как это ни странно, отдельными специалистами-планировщиками не по единой системе планировочных нормативов, а на основе ими же разработанных норм, в лучшем случае одобренных отдельными проектирующими организациями» (Там же).

Иными словами, реальный процесс проектирования соцгородов осуществлялся на местах, зависел от конкретных условий строительства и нередко проходил весьма стихийно. По сути, единственным, что скрепляло воедино многочисленные стройки новых поселений в различных уголках страны, были набор общих градостроительных предписаний и мечта о «городе будущего». В остальном все зависело от конкретных обстоятельств, имеющихся ресурсов и способности опера-

тивно решить задачи по обеспечению промышленных объектов «жилой зоной». Потому в ситуации, когда оказывалось, «что до окончания составления проектов планировки города фактически построены и построены совершенно не так, как это предполагалось по проекту планировки», не было ничего удивительного (Попов 1933: 16).

Получалось, что строительство соцгородов определяли не столько «проект» или «следование изначальному замыслу», сколько набор ситуативных факторов и обстоятельств. При этом к 1933–1934 гг. значительное число соцгородов было либо уже построено, либо находилось на завершающих стадиях строительства, когда их пространственные структуры были четко заданы и уже не могли подвергнуться кардинальным изменениям. Безусловно, многие из них производили впечатление «незаконченных» и «незавершенных», требующих дальнейших работ по благоустройству и строительству. Но можно ли считать эти проекты незавершенными с точки зрения степени реализации задуманного и мерить по жесткой нормативной шкале, если, во-первых, четких критериев для такой оценки фактически не существовало, а во-вторых, во многих случаях архитекторы, наоборот, демонстрировали пример максимальной реализации имеющихся ресурсов, а созданные ими проекты в некотором смысле превосходили изначальные задумки и ожидания? Для того чтобы более обстоятельно разобраться в этом вопросе, имеет смысл обратиться к анализу конкретного примера строительства социалистического города и логики его проектирования. Таким примером может стать один из крупнейших градостроительных проектов первой пятилетки – соцгород Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске.

«УЗТМ – соцгород!»: опыт проектирования новых рабочих поселений

И организационно, и функционально, и символически строительство Уральского завода тяжелого машиностроения и прилегающего к нему поселения было призвано демонстрировать торжество «планового» начала и принципов предельного рационализма в проектировании. Завод исходно мыслился одним из крупнейших в стране промышленных предприятий, которому была уготована роль «детища первой пятилетки» (Макаров 1960). Его первый проект, разработанный Гипромезом (Государственным институтом по проектированию новых металлзаводов) г. Ленинграда в 1927 г., служил своего рода эталонным образцом для планировки аналогичных предприятий, был издан многотысячным тиражом и распространялся едва ли не по всем крупным учреждениям и библиотекам страны (Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект) 1928). При этом сам рабочий поселок должен был

воплощать идею «города будущего», вырастающего в «дремучем уральском лесу на громадной “просеке”, тем самым символизируя победу над природой, всесилье человеческой воли и преодоление времени» (СССР на стройке 1932: 23).

Главной отличительной особенностью соцгорода Уралмаша традиционно принято считать то, что его удалось построить по единому плану и в рекордно короткие сроки (см. напр.: Екатеринбург: история города в архитектуре 2008: 226). С этим мнением действительно трудно поспорить, если под «единым планом» иметь в виду наличие концептуальной архитектурной идеи, а под короткими сроками – значимость ее реализации в динамике и развертывание во временном, темпоральном контексте. Однако видеть за этим поэтапное воплощение глобального замысла, которое, несмотря на относительно короткий исторический отрезок, по сути, вобрало в себя сразу несколько архитектурных эпох, было бы как минимум серьезным упрощением, а как максимум – ошибкой, не позволяющей разглядеть крайне важные черты в особенностях и характере развития соцгорода.

Показательно, что строительство рабочего поселения Уралмаша изначально было целиком и полностью подчинено логике проектирования самого завода. Его роль мыслилась исключительно в качестве функционального приложения к общему производственному процессу, которое решало вполне конкретную задачу – обеспечение рабочих жильем. А потому все усилия по организации «жилой зоны» были так или иначе ориентированы на достижение главной цели – скорейшего пуска завода. Не случайно первый проект поселения появляется лишь в виде составной части общего проекта всего завода, составленного Гипромезом.

Такая ситуация имела двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, поскольку проектирование было изначально привязано к проекту завода и соизмерялось с темпами его строительства, успешный ввод предприятия в действие должен был автоматически означать и «успех» в строительстве прилегающего поселения. В этом смысле соцгород оказывался как бы естественной составляющей «общей победы» в «борьбе за индустриализацию» (Унпелев 1960: 173). С другой стороны, само городское строительство в таких условиях фактически лишалось каких-либо четких критериев оценки. В стремлении достичь «общей цели» и уложиться в сроки градостроители были вынуждены ориентироваться на текущую ситуацию и меняющиеся обстоятельства, по сути, работая без четкого утвержденного плана. В этом смысле критерий, позволяющий судить о «завершенности» и степени реализованности проекта застройки соцгорода, с самого начала оказывался весьма размытым.

В проекте ленинградского Гипромеза 1927 г. рабочий поселок Уралмаша представлял типичным поселением для рабочих завода своего

времени. Поселок предполагалось строить в непосредственной близости от заводской территории, ограждая от нее жилые кварталы линией зеленых насаждений. При производительности завода в 18 тыс. тонн в год население поселка должно было составить около 24 тыс. жителей, в целом вполне соответствуя говардовским стандартам города-сада. В 1928 г. проект дорабатывается и пересоставляется уже непосредственно на месте сотрудниками технического отдела самого Уралмашиностроя. При этом к работе над ним привлекается «свежая кровь» – молодые представители новообразованного Свердловского отделения Объединения современных архитекторов (ОСА), которыми вовлечение в процесс проектирования завода, его цехов и отдельных зданий воспринимается как несомненный успех в идеологической борьбе с «враждебной стороной», представителями «старой архитектуры» (см.: Первая конференция общества современных архитекторов в Москве 1928: 120–122). Основные технические показатели проекта остаются прежними, формально мало что меняется, однако уже на этом этапе сама его идейная направленность постепенно становится несколько иной.

Молодой архитектор Петр Оранский, приглашенный из Ленинграда для работы в архитектурно-строительном отделе Уралмашиностроя, выдвигает несколько предложений по планировке, которые, по сути, в корне меняют идеологию проектирования городского поселения. Город предполагается вплотную приблизить к заводу, центральную площадь превратить в связующее звено между жилой зоной и заводской территорией, а в количестве жителей ориентироваться на цифру в 60 тыс. человек. Так постепенно обретает свои очертания идея превращения завода и города в единый пространственный организм с помощью лучевой системы планирования. Отныне именно эта концепция – главный ориентир в строительстве соцгорода: она получает одобрение коллег и начальства, фактически воспринимается как руководство к действию и стимулирует новые архитектурные решения. Вместе с тем сам проект оказывается обречен на постоянные пересмотры, корректировки и изменения в течение нескольких лет, т.е., по сути, на весь период наиболее интенсивного строительства соцгорода.

Весьма характерно, что в схожих условиях осуществляется процесс строительства и самого завода, призванный символизировать выполнение первого пятилетнего плана и следование срокам, установленным руководством страны. К 1930 г., т.е. по истечении более чем половины намеченного срока пуска предприятия, крупный завод тяжелого машиностроения даже на уровне проекта еще не обретает своих основных характеристик, масштаба и содержания. В условиях слабого финансирования его строительство в эти годы идет крайне неравномерно, а будущее остается весьма неопределенным (см.: Толоконцев 1933: 4). вполне естественно, что при наличии таких проблем вопросы город-

ского строительства отходят на задний план. Лишь летом 1931 г. Всесоюзное объединение тяжелого машиностроения (ВОМТ) принимает окончательное решение об увеличении производительности завода до 100 000–150 000 тыс. тонн в год, что дает мощный импульс к усилению темпов строительства и одновременно к очередному пересмотру проекта соцгорода. Существующий проект вновь подвергается корректировкам и дополнениям, проходя многочисленные инстанции и проверки (см.: УЗТМ – Соцгород 1933: 17–21). И только в конце 1932 г. утверждается новый проект поселения, составленный Уралмашинстроем и Гипрогором на 170 000 жителей, соответствующий ключевым принципам проектирования социалистических городов (Уральский завод тяжелого машиностроения 1933: 118–126).

Важно подчеркнуть, что к этому моменту практически все ключевые постройки социальной городской инфраструктуры на Уралмаше либо уже функционируют, либо находятся на стадии строительства. Иными словами, те здания, которые до сих пор определяют облик центральной части соцгорода и фактически формируют его лицо, получают свои основные очертания еще до утверждения окончательного проекта городского строительства. В этом смысле красноречивее всего состояние общего архитектурного оформления соцгорода и организации работ в этой сфере отражает формулировка заключения, сделанного правительственной комиссией по приемке УЗТМ весной 1933 г., т.е. буквально за пару месяцев до пуска завода. Раздел соответствующего сборника документов, посвященный темпам жилищного и социально-бытового строительства, завершает емкая и лаконичная характеристика: «Архитектурное оформление поселка, в особенности центральной площади перед заводом, находится в неудовлетворительном состоянии. До сего времени Заводоуправление не имеет даже соответствующего проекта» (Акт XVII. Жилищное строительство 1933: 6).

Впрочем, предметом более пристального разбора состояние строительства соцгорода становится уже после пуска завода. Когда главная цель – введение в действие предприятия – оказывается выполненной, основное внимание сосредоточивается на том, что ранее имело периферийное значение, – на уровне развития городской территории. В статье, опубликованной в 1934 г. в одном из всесоюзных журналов и предметно посвященной состоянию соцгорода Уралмаша («города завода заводов»), автором подводятся итоги непосредственно самого городского строительства. Одно из заключений констатирует: «Несмотря на то, что в городе Уралмаша уже сейчас живет около 80 тысяч рабочих и членов их семей, мы все же находимся только в начале строительства города, освоив лишь 14% средств, необходимых для застройки всего города» (Крекшин 1934: 63). Так, в частности, оказывается, что «имеющаяся на заводе жилплощадь ни в какой степени не может удовлетворить по-

требности в жилье 80-тысячного населения» (Крекшин 1934: 63), а сама планировка города «оставляет желать лучшего» (64). Основной вывод по итогам разбора звучит весьма категорично: «Дальнейшее строительство города нужно проводить по плану, между тем, плана строительства города у нас до сих пор нет» (65).

Если к концу 1932 г. при отсутствии четкого проекта поселения были заданы общие контуры его архитектурного лица, то к концу 1934 г. это лицо было уже полностью сформировано. Также были сформированы его пространственная структура и общие территориальные очертания. Иными словами, соцгород Уралмаша существовал как самостоятельно функционирующий городской организм фактически при отсутствии плана строительства. Да, многие его сооружения еще находились в процессе возведения и выглядели незаконченными, по-прежнему остро стояла проблема с объемами ввода нового жилья, ожидаемо требовалось расширение городской территории. Все это давало обоснованные поводы для критики городского строительства и его отставания от «производственных темпов», как, впрочем, и любого другого строящегося города страны (см. напр.: Гречуха 1933). Однако давало ли это повод говорить о «незавершенности» и «нереализованности» проекта строительства городского поселения? При том что самого этого проекта как такового не существовало, а критериями успешности нередко становились эмоциональные и конъюнктурные оценки.

Показательно, что в завершение своего критического рассмотрения автор в эмоциональном порыве подчеркивал: «Количество выстроенных зданий, быстрота стройки и ее качество – вот показатели, по которым мы будем мерить работу строителей города Уралмаша» (Крекшин 1934: 65). Сам характер этой фразы лишний раз указывает на то, что никаких внятных инструментов оценки степени «готовности» и «успешности развития» соцгородов в начале 1930-х гг. не существовало. Те города, которые к этому моменту уже успели обрести свои очертания, являлись результатом не столько следования плану, сколько совокупности ситуативных, нестандартных решений самих проектировщиков, вызванных постоянно меняющимися обстоятельствами и условиями их работы. Нередко выглядя «недостроенными», «незавершенными» и «архитектурно не до конца оформленными», в действительности они демонстрировали пример предельно эффективного использования имеющихся ресурсов и реализации уникальных градостроительных задумок в максимально короткие сроки. Их становление и развитие было подчинено особой логике и потому требует особой системы оценок, отличной от привычных нормативных представлений.

Незавершенный проект как принцип формирования застройки соцгорода

На фоне дискуссий о «бессистемности» городского строительства в 1930-е гг. довольно широкое распространение получило мнение о том, что если сам город нередко строился вне всякого плана, то его отдельные части – районы, жилкомбинаты, здания – напротив, демонстрировали пример поэтапного и выверенного воплощения утвержденных замыслов. Иными словами, «неудачи» в созидании целостного городского пространства совершенно не отменяли «успехов» в строительстве отдельных архитектурных объектов. Не случайно автор критического материала о соцгороде Уралмаша сетовал на то, что «мы строим отдельные здания и комплексы зданий, а не город как единое целое» (Крекшин 1934: 65).

В действительности пример Уралмаша наглядно показывает, что процесс строительства отдельных зданий и сооружений соцгорода был подвергнут «вольностям» и «неожиданностям» в неменьшей степени, чем проектирование всего поселения в целом. Более того, не будет преувеличением сказать, что история строительства большинства знаковых построек Уралмаша представляла собой историю неожиданных решений, творческих импровизаций и постоянной корректировки целей. В этом смысле критерии оценки этих сооружений на предмет «завершенности» и «соответствия изначальному замыслу» оказывались еще более размытыми, чем в случае с проектом всего поселения. Так, в частности, целый ряд значимых городских объектов на Уралмаше строился, в принципе, вне какого бы то ни было плана – даже промежуточного. По воспоминаниям Моисея Рейшера, одного из ключевых архитекторов в истории соцгорода, это оказывалось вынужденной мерой вследствие ограниченности в ресурсах и необходимости «построить больше при минимуме затрат» (С чего он начинался 1974).

Конечно, тенденции такого рода характеризовали практически любую крупную стройку того времени, однако в случае с Уралмашем они получили особый размах и обуславливались совокупностью целого ряда факторов.

Прежде всего, процесс строительства ключевых объектов соцгорода совпал с периодом наиболее жарких архитектурных дискуссий рубежа первых советских десятилетий и при этом в значительной степени пришелся именно на начало 1930-х гг., т.е. период доминирования авангардных течений и, в частности, конструктивизма. В такой ситуации одни творческие приемы и установки наслаивались на другие, что формировало особый характер и динамику строительного процесса. Во-вторых, даже по сравнению с другими стройками первой пятилетки на Уралмаше этот процесс отличался особой интенсивностью – большин-

ство ключевых сооружений в соцгороде было возведено буквально за два-три года. И, в-третьих, проектирование архитектурных объектов на Уралмаше осуществлялось группой молодых архитекторов, шло в закрытом рабочем режиме и не сопровождалось публичными обсуждениями, характерными для многих других крупных строек страны, в которых принимали участие именитые советские архитекторы или специалисты из-за рубежа. Большинство работников проектного отдела Уралмашстроя не имели соответствующего профессионального опыта, что уже само по себе предполагало использование нестандартных решений и приемов. Как вспоминал Моисей Рейшер, из-за молодого возраста архитекторов руководители завода нередко в шутку называли проектный отдел «детским садом», при этом сама деятельность его сотрудников состояла в непрерывной круглосуточной разработке чертежей при отсутствии каких бы то ни было нормативов и образцов (Рейшер 2001–2002: 59). В итоге проекты городских сооружений претерпевали постоянные изменения, а существенные коррективы зачастую вносились в уже утвержденные и одобренные высшим руководством варианты. Как следствие, изначальный проект здания крайне редко соответствовал конечному результату.

В большинстве случаев решение об изменении облика здания вынужденно принималось уже по ходу самого строительства. Причиной этому могли стать нехватка ресурсов, ограничения в финансировании или непредвиденные обстоятельства. Обычно такая ситуация касалась типовой жилой застройки, но нередко она определяла художественный образ и знаковых общественных сооружений. Так, например, первый в соцгороде кинотеатр «Темп» был изначально запланирован как двухэтажное здание с несколькими кинозалами. По проекту он должен был определять облик улицы, на которой предполагалось сосредоточить основные культурно-досуговые учреждения соцгорода. Однако из-за случившейся аварии здание оказалось под угрозой разрушения (Анфилов 1984: 78–79). Благодаря восстановительным работам его удалось спасти, но от строительства второго этажа при этом пришлось отказаться. Получившееся в итоге здание не соответствовало первоначальной задумке и с полным правом могло попасть в категорию «незавершенных проектов» – даже внешне его одноэтажный объем плохо сочетался с непропорционально широкой двускатной крышей. Между тем именно эта нескладность и неказистость предопределили его узнаваемость и со временем превратили сооружение кинотеатра в одну из визитных карточек всего района.

Точно так же знаменитый жилой комплекс, известный среди жителей района как «дом-пила», обрел свой образ лишь на самом финальном этапе проектирования в результате неожиданного предложения Петра Оранского расположить шесть каменных жилых корпусов не в

стандартном линейном плане по отношению к центральной – Осовой – улице, а под прямым углом друг к другу (Маллер 1982: 4; Анфимов 1979–1984: 109–110). В общем плане структура здания стала напоминать зигзаг, а сведенные друг к другу корпуса – своеобразные «зубья». В итоге типовой стандартный жилой проект приобрел яркий индивидуальный облик, а получившийся результат превзошел изначальные ожидания. Жилой комплекс не только демонстрировал внешнюю эффектность, но и выгодно вписывался в формирующееся пространство соцгорода, определяя облик целого квартала и центральной улицы, что не было предусмотрено исходным проектом. А самое главное – со временем приобрел статус особого символического места на карте района.

Даже проект знаменитой Белой Башни – архитектурного символа Уралмаша и сооружения, которое, казалось бы, самым своим обликом призвано демонстрировать торжество рациональности и цельности, – претерпел в процессе обсуждения значительные трансформации. Причиной изменений стал опять же «производственный» момент: в ходе рассмотрения проекта Башни, предложенного Моисеем Рейшером и предполагавшего использование двух колонн в качестве опоры для бака с водой, главный инженер завода Владимир Фидлер, сомневаясь в прочности конструкции, предложил добавить в рабочие чертежи еще две железобетонные стойки. В результате это сугубо инженерное, «техническое» решение существенно повлияло на формирование архитектурного образа сооружения, в чем можно легко убедиться, сравнив первоначальный и итоговый проекты постройки (см. напр.: Токменинова 2011).

Если ориентироваться на первые проекты городского поселения Уралмаша, то в соответствии с ними архитектурный облик соцгорода можно было бы считать законченным и «завершенным» при условии постройки всего стандартного перечня упоминавшихся в них обслуживающих учреждений и сооружений (см.: Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект) 1928; Уральский завод тяжелого машиностроения 1933). Практически все эти значимые сооружения в итоге удалось ввести в действие если не точно в срок, то лишь с небольшими задержками.

Однако и здесь сложно говорить о какой-либо определенности, поскольку во многих случаях по ходу проектирования здания меняли не только свой внешний облик, но и функцию.

Так, например, здание Дома технической учебы – одного из ключевых административных сооружений района, во многом определивших облик его центральной площади, – изначально проектировалось как жилой дом-коммуна. Решение разместить в нем конторские помещения и учебные аудитории было принято с учетом удобного расположения (напротив проходной завода) и внушительного для строящегося города масштаба.

Еще более сложной оказалась судьба комплекса «старого» дворца культуры Уралмаша. История знакового для района сооружения началась со строительства в 1929 г. корпуса фабрики-кухни, призванной обеспечить питанием работников завода и жителей строящегося города. В 1933 г., пытаясь решить проблему отсутствия в соцгороде полноценного дворца культуры, руководство завода в целях экономии средств решает объединить его в едином здании с фабрикой-кухней и строит для этого отдельный торговый корпус. Позже оба корпуса соединяются системой переходов, а само здание в течение десятилетия переживает сразу несколько реконструкций.

Результатом становится появление сложного многофункционального и уникального по своей композиции и структуре комплекса, объединяющего в себе приметы различных архитектурных направлений, градостроительных приемов, а также следы творчества сразу целой группы архитекторов (см.: Баухауз на Урале 2010; Ильченко 2014).

Вполне естественно, что оценивать процесс строительства подобных сооружений в логике «выполнения плана» малоэффективно: такой подход не дает возможности понять ни историческую логику их формирования, ни их значение для развития пространственной структуры соцгорода, ни динамику городского развития в целом. «Незаконченные» и «недостроенные» на каждом отдельном этапе, именно такие сооружения в итоге воплощали собой полноту архитектурного облика новых городских образований, демонстрировали эффективное использование новаторских техник и приемов, а также определяли пространственное развитие новых территорий на десятилетия вперед.

Незавершенность в логике «утопического» прочтения истории советского градостроительства

Тем не менее в постсоветский период категория незавершенности в явном или скрытом виде превратилась в неотъемлемый атрибут разговора о социалистических городах. Указание на нереализованность или невоплощенность проекта соцгородов неизменно сопутствует обращению к рассмотрению их опыта в научной литературе, художественных практиках и публицистических статьях. Пространства, представляющие советский градостроительный эксперимент в наиболее цельном и законченном виде, все чаще предстают проектами, которые «не состоялись», «не случились» или «не получились» (см. напр.: Прогулки за искусством 2008; Коммунальный авангард 2011; Города мечты 2016).

«Незавершенность» в данном случае – характеристика не столько самого градостроительного проекта, сколько стоящего за ним социального замысла, при этом скорее образная и символическая, нежели предлагающая какие-либо четкие аналитические рамки. Однако именно

она является важнейшей составляющей нарратива, который сегодня формирует доминирующий взгляд на архитектурные процессы советского периода и в значительной степени предопределяет направленность их анализа.

С ростом публичного интереса к советской архитектуре районы комплексной застройки 1920–1930-х гг. стали все чаще попадать в фокус внимания проектов, где основным предметом рассмотрения оказывались не столько их градостроительные или стилистические особенности, сколько время, которое они символизируют. В полуразрушенных кварталах и скупых фасадах обветшалых зданий исследователи, художники, дизайнеры и журналисты стремились уловить очертания ушедшего времени, почувствовать его дух и атмосферу. Пространства социалистических городов превратились в своего рода способ заглянуть в прошлое и поймать ощущение эпохи строительства «нового мира». Главной особенностью такого подхода, одновременно придававшей ему определенный символический эффект, стала попытка говорить о советском градостроительном наследии как о части огромного нереализованного проекта, т.е., говоря образно, о будущем, которое не наступило.

Именно так постепенно формировался дискурс «нереализованной утопии», предложивший качественно новый способ разговора о советском градостроительстве. Его характерные особенности и символический посыл наиболее ярко проявили себя в художественных проектах и разнообразных «полевых исследованиях», организованных творческими группами в пространствах бывших социалистических городов.

Так, в 2006 г. Уралмаш наряду с двумя другими районами раннесоветской застройки Москвы и Санкт-Петербурга становится площадкой проекта «Прогулки за искусством» (см.: Прогулки за искусством 2008). Целью проекта стала попытка «найти в советском опыте художественную традицию» (Там же). Завод Уралмаш предстал взору его участников в виде «фрагментов, руин, остовов некогда интенсивнейшей жизни, канувшей в прошлое советской цивилизации», которые до сих пор сохраняют в себе «сверхчеловеческий натиск, мощь, взлет в несостоявшееся будущее» (75). А сам район соцгорода – «руиной, одичавшей окраиной, вороньей слободкой», местом, где советское прошлое переживается по-особому, как «то, что таит в себе силу будущего» (77).

Такое прочтение меняло сам ракурс рассмотрения соцгорода. Уралмаш оказывался ценен уже не столько самой уникальной застройкой, сколько скрытым указанием на эпоху, которую эта застройка символизировала. За многочисленными конструктивистскими комплексами теперь угадывались не только «смелые градостроительные эксперименты», а очертания настоящего «города мечты» – замысла грандиозной утопии, контуры которой, как оказалось, вполне различимы в город-

ском пространстве и по сей день. Кварталы типовой застройки, многочисленные авангардные сооружения обнаруживали в себе особую символику и выступали своеобразными метками времени. В такой логике то, что не было построенным, реализованным и завершенным, оказывалось еще более привлекательным и интересным, чем воплощенные проекты и сохранившаяся застройка. «Утопическое» прочтение добавляло пространству соцгорода определенное сентиментальное звучание, одновременно превращая предмет исследования в источник вдохновения и материал для творческих интерпретаций.

Это, в частности, хорошо демонстрирует другой художественный проект, посвященный Уралмашу, – «Коммунальный авангард» (Коммунальный авангард 2011). В предисловии к путеводителю по соцгороду в специально изданном каталоге проекта говорилось: «Сегодня Уралмаш – завораживающая руина, где сложно отличить следы реального и утопического. Данная статья призвана помочь отыскать основные объекты соцгорода <...> но вам, уважаемый читатель, придется соблюдать одно базовое правило: добавляйте слово «возможно» к каждой нашей рекомендации. Например, на правой стороне улицы вы [возможно!] увидите то-то или вам [возможно!] стоит свернуть в такой-то переулок. Возможно, вы отправляетесь на прогулку по месту, которого не существует, но тени и отзвуки которого вам, возможно, удастся отыскать» (35). Уралмаш здесь – пространство, не просто рассматриваемое, созерцаемое или анализируемое, но, прежде всего, создаваемое и конструируемое воображением. «Остатки советской цивилизации» в виде полуразрушенных зданий – не столько предмет археологического изучения, сколько повод помыслить «неслучившееся будущее». Каждая постройка – знак и символ. Потому в описании «руин и развалин» прочитывается скорее скрытое наслаждение образом, чем стремление определить уникальность сооружения, «классифицировать» его и использовать как материал исторического исследования.

«Утопический» дискурс был инспирирован художественными поисками и потому изначально расширял границы самого предмета рассмотрения – вместо «стиля» и «объекта охраны» им становилось время, его дух и атмосфера. А заодно предлагал новые возможности интерпретации – художественные образы оказывались не менее значимыми, чем поиск новых исторических свидетельств.

В таких условиях новое звучание приобретали те части застройки, которые, даже имея статус архитектурно-градостроительного памятника, ранее оставались в тени. Жилые комплексы коммунального типа обычно привлекали внимание городскими историями и рассказами о «первых лифтах», «двухъярусных квартирах» и «необычно светлых помещениях». Теперь эти истории обрели связный нарратив, мифологию и дополнительную эмоциональную подпитку. В повествовании о

соцгороде и репрезентациях его истории появился новый предмет для описания – то самое «возможное», «несостоявшееся», «неслучившееся». Одно дело говорить о неприглядной с виду серой двухэтажной коробке, оперируя сведениями о революционном новаторском типе жилья «из учебника», и совсем другое – представить ее частью огромного не-реализованного замысла, несбывшейся мечты своего времени.

Само пространство района в таком ракурсе наполнялось совершенно новыми смыслами – все элементы его исторической застройки стали восприниматься частью грандиозного проекта, нереализованного, незавершенного, но от того еще более привлекательного. Теперь значение приобретало то, что раньше находилось на периферии интереса даже для специалистов. Любая ветхая полуразрушенная постройка репрезентировалась как часть новаторского градостроительного замысла, участок зеленых насаждений – как элемент «зеленой утопии», а запущенные дворовые пространства – как составляющая огромной системы социальных коммуникаций. В процессе такого смыслового конструирования район Уралмаша вновь обретал цельность и символические границы, а у зрителя складывалась особая оптика его восприятия. Прогулка по индустриальному социалистическому городу из простого знакомства с «градостроительным памятником» превращалась в «путешествие во времени», где за каждой руинной и полуразрушенным зданием угадывался след ушедшей эпохи.

«Утопический» дискурс и его символическая логика оказали большое влияние на исследования соцгородов. Они определили новое предметное поле их анализа, сформировали новый ракурс рассмотрения и существенно расширили дисциплинарные рамки. Образ того Уралмаша, который сегодня вновь стал предметом живого исследовательского интереса и многочисленных художественных проектов, сформировался во многом благодаря именно такому прочтению. Вместе с тем в стимулируемых этим дискурсом новых исследованиях и творческих поисках исходный посыл и символический пафос нередко доминируют над аналитическим содержанием и если не определяют его результаты, то существенно довлеют над самой их формулировкой. В этом смысле неудивительно, что «незавершенность» из образной характеристики эпохи может плавно превращаться в критерий и способ оценки вполне конкретных градостроительных проектов, а исторический материал, как следствие, – получать различные варианты аналитических интерпретаций.

Советское градостроительство продолжает оставаться мифологизированным феноменом, рассмотрение которого почти неизбежно сопровождается работой с многочисленными идеологемами, символами и метафорами. В исследовательской практике это вызывает двоякую реакцию.

Одна часть специалистов следует логике «развенчания мифа», пытаясь противопоставить заявлениям и декларациям советской эпохи суровую реальность, резко отличающуюся от провозглашенных лозунгов. Другая – стремится предложить альтернативные описания советской архитектурной истории, по-новому выстраивающие ее глобальный нарратив, но нередко лишь усиливающие ее мифологизацию. И то и другое является методологической крайностью. Эта ситуация во многом обусловлена тем, что история советского градостроительства до сих пор воспринимается преимущественно через призму столичного опыта и от силы двух-трех крупных городов Советского Союза. Вехами архитектурной истории считается строительство знаковых сооружений Москвы и Ленинграда, законодателями архитектурной моды – признанные столичные мастера, а критериями градостроительного успеха – резонанс в общесоюзной прессе. Значимость архитектурного развития крупнейших советских городов не вызывает сомнений, однако автоматическая ретрансляция его особенностей на опыт регионов является серьезной методологической ошибкой. При ближайшем рассмотрении региональный опыт градостроительства рубежа 1920–1930-х гг. оказывается настолько многообразным и вариативным, что его крайне трудно свести к какому-либо единому стандарту или принципу. Пример социалистических городов является ярким тому свидетельством. Попытка мерить их развитие устоявшимися категориями не только упрощает общую картину, но и мешает разглядеть их уникальность и своеобразие.

Использование категории «незавершенности» в этом смысле – своего рода квинтэссенция подобного искажения. Те критерии, которые оказываются применимыми на уровне масштабных столичных градостроительных проектов и официальных программ, фактически перестают работать на уровне анализа региональных процессов. Обусловленные различными обстоятельствами проектирования, имеющимися ресурсами и организационными условиями, соцгорода демонстрировали совершенно разные траектории своего строительства и последующую логику развития, преодолевая любые устоявшиеся нормативные представления «выполнения плана» и степени его реализации. В таком контексте «незавершенность» – это либо формальная и в целом бесполезная характеристика степени реализации градостроительного плана, который в большинстве случаев был крайне размытым или попросту отсутствовал, либо фигура речи, скорее навязывающая дополнительные смыслы и коннотации, нежели способствующая раскрытию реальной динамики строительства.

Однако, пожалуй, самое главное: использование подобной нормативной шкалы существенно затрудняет понимание того, что уникальность советской архитектуры 1920–1930-х гг. обнаруживает себя не только и не столько в проектных задумках и отдельных знаковых со-

оружениях, сколько в экстремальных условиях реализации большинства градостроительных проектов. Декларативно соответствуя программным требованиям и установкам руководства страны, новые социалистические города при этом в значительной степени являлись результатом использования архитекторами нестандартных приемов, творческих импровизаций и новых технологических решений, способствуя появлению оригинальных подходов и способов осмысления городского строительства. Как представляется, этот опыт советского градостроительства требует сегодня обстоятельного разбора и критического анализа.

Литература

- Акт XVII. Жилищное строительство* // Сборник актов и заключений правительственной комиссии по приемке УЗТМ. Апрель–май 1933 г. Свердловск: Изд. УЗТМ, 1933.
- Анфимов В.Н.* Соцгород Уральского завода тяжелого машиностроения. 1929–1975 гг. Ч. 1. Свердловск–Уралмаш, 1979–1984. [Рукопись из фонда музея Истории Уралмашзавода].
- Анфимов В.Н.* Истории строительства улиц, некоторых сооружений и событий в соцгороде Уралмашзавода. 1929–1975 гг. Ч. 2. Свердловск–Уралмаш, 1984. [Рукопись из фонда музея Истории Уралмашзавода].
- Верезубов И.К.* К вопросу о проблеме социалистического города // *Строительство Москвы*, 1930. № 1. С. 13–16.
- Вікторів Б.* Соціалістичні міста Донбасу. Харків: Шляхи Індустріалізації, 1930.
- Бариц М.О., Гинзбург М.Я.* Зеленый город // *Современная архитектура*. 1930. № 1–2. С. 20–37.
- Бариц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н.* Магнитогорье. К проблеме генплана // *Современная архитектура*. 1930. № 1–2. С. 38–56.
- Баухауз на Урале. Сохранение наследия: Материалы международного научного семинара, 22–24 августа 2008 г., Екатеринбург* / Науч. ред. Л.И. Токменинова. Екатеринбург: Вебстер, 2010.
- Города мечты, которые не получились* // Neobychno.com. URL: <http://neobychno.com/21941/goroda-mechty/> (дата обращения: 30.11.2016).
- Гречуха В.* За четкий архитектурный облик социалистических городов // *За социалистическую реконструкцию городов*. 1933. № 1. С. 9–10.
- Екатеринбург: история города в архитектуре*. Екатеринбург: Сократ, 2008.
- Ефремов Н.Д.* О нормах планировки городов // *За социалистическую реконструкцию городов*. 1933. № 2. С. 10–12.
- Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // *Строительство Москвы*. 1930. № 1. С. 24–25.
- Ильченко М.С.* Советская авангардная архитектура глазами постсоветского человека: судьба ДК УЗТМ // *Будущее прошлого: футурология ДК УЗТМ*. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2014.
- Коммунальный авангард: каталог-путеводитель* / Ред.-сост. Е. Белова, А. Савицкая. Н. Новгород, 2011.
- Коньшьева Е.В., Меерович М.Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2012.
- Косенкова Ю.Л.* Работа над проектами планировки Новосибирска в 1920–1930-е годы // *Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы* / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 202–229.

- Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Крекишин Е. Город завода заводов // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5. С. 63–66.
- Макаров Е.М. Отец заводов. Очерки из истории Уралмашзавода. М.: Советская Россия, 1960.
- Маллер С. Дом-пила // За тяжелое машиностроение. 1982. 16 июня.
- Меерович М.Г., Коньшиева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
- Милютин Н.А. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.
- Обермаир В., Шапиро-Обермаир Е. Большая Москва, которой не было. Здания советского авангарда в современной Москве. Вена: SCHLEBRÜGGE.EDITOR, 2008.
- О социалистических городах // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5. С. 1–6.
- Охитович М. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930а. № 1–2. С. 7–16.
- Охитович М. Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930b. № 1. С. 9–11.
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Первая конференция общества современных архитекторов в Москве: Информационные доклады делегатов с мест // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 120–122.
- Покишиевский З.Н. За компактный город // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 6. С. 26–29.
- Попов Ф. К вопросу о планировке городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 5. С. 14–16.
- Попов Ф. Генеральный проект Большого Запорожья // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 6. С. 11–15.
- Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Предпосылки реконструкции жилых районов Москвы // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 4. С. 35–38.
- Прогулки за искусством: Ленинград – Москва – Свердловск. СПб.: Институт ПРО АРТЕ, 2008.
- Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 4–7.
- Пузис Г. Пути нового расселения // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 11–14.
- Рейшер М.В. Жизнь, посвященная городу // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001–2002. Декабрь–январь.
- Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.
- Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3–5.
- Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- СССР на стройке. 1932. Июль. № 7.
- Токменинова Л. Водонапорная башня УЗТМ. Екатеринбург: TATLIN, 2011.
- Толоконцев А.Ф. Детище пятилетки // Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск: Урал. обл. гос. изд-во; Москва, 1933.
- С чего он начинался // За тяжелое машиностроение. 1974. 22 октября.
- УЗТМ – Соцгород! // УЗТМ. Производственно-технический журнал Уральского завода тяжелого машиностроения. 1933. № 3. Июль–август. С. 17–21.
- Унпелев Г. Рождение Уралмаша (1928–1933 гг.). М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1960.

- Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск: Урал. обл. гос. изд-во; Москва, 1933.
- Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект). Л.: Изд. гос. Ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1928.
- Чепкунова И. Кузница большой архитектуры. Советские конкурсы 1920–1950-х. М.: Искусство XXI век, 2014.
- Черня И. Города социализма // Революция и культура. 1930. № 1. С. 11–16.
- Яковлева Г.Н. Концепция центра в генеральном плане Москвы 1935 г. // Хан-Магомедовские чтения: [материалы междунар. науч. конф., 18–20 января 2012 г. / Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ; сост.: Ю.П. Волчок, А.Н. Селиванова; отв. ред.: И.А. Бондаренко]. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 322–332.
- Paper Architecture. New Projects from the Soviet Union* / Ed. by H. Klotz. New York: Rizzoli, 1990.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2017 г.

Ilchenko Mikhail S.

UNFINISHED PROJECT AS A WAY TO CONCEIVE SOVIET URBAN PLANNING IN THE 1920S AND THE 1930S: THE CASE OF SOCIALIST CITIES*

Abstract. The article examines the appropriateness of using the concept of ‘unfinished project’ in relation to the practice of Soviet urban planning in the 1920s and 1930s. Drawing on the case of socialist cities, the author shows that the very attempt to evaluate the process of their construction following the strict normative logic of ‘consistency with the plan’ appears to be ineffective. That could be explained by the fact that the most Soviet settlements of the 1920s–1930s were designed in the context of constantly changing urban planning principles and standards, and that resulted in the emergence of various interim ‘plans’ and ‘projects’ influenced by situational factors, particularly, by the current recourse base, organizational conditions, etc. In this context, the notion of ‘unfinished project’ becomes nothing more than a formal characteristic of the building process in an attempt to describe the current stage of project implementation in the absence of any clear evaluation criteria. Moreover, the normative use of this notion does not allow see Soviet urban planning as it was done in the regions, with its unique city-planning solutions produced and original methods and technologies developed by Soviet architects under extreme working conditions. The author suggests that such a strategy sprang from the adoption by public discourse of the ‘unrealized utopia’ narrative which saw the Soviet architectural tradition in the symbolic categories of ‘unimplemented project’ and ‘unrealized future’. According to this narrative, ‘unfinishness’ is not so much of an analytical characteristic or evaluation criterion but is primarily a metaphor and a figure of speech that shape a certain perspective of the Soviet architecture and determine the character of its analysis.

Keywords: Soviet urban planning, Soviet city, socialist city, unfinished project, utopia, narrative, history of the Soviet architecture

* The research is supported by the Grant of the President of the Russian Federation (MK-8766.2016.6)

DOI: 10.17223/2312461X/16/5

References

- Akt XVII. Zhilishhnoe stroitel'stvo [Housing construction], *Sbornik aktov i zakljuchenij pravitel'svennoj komissii po prijomke UZTM* [A collection of acts and conclusions by the

- governmental commission on technical acceptance of the Ural heavy Machine Building Plant]. *Aprél'-maj* 1933. Sverdlovsk: UZTM Publishing, 1933.
- Anfimov V.N. *Socgorod Ural'skogo zavoda tjazhjologo mashinostroenija*. 1929-1975 gg. Chast' 1. [The socialist city associated with Ural Heavy Machine Building Plant. 1929-1975. Part 1]. Sverdlovsk–Uralmash. 1979-1984. Rukopis' iz fonda muzeja Istorii Uralmashzavoda.
- Anfimov V.N. *Istorii stroitel'stva ulic, nekotoryh sooruzhenij i sobytij v socgorode Uralmashzavoda* 1929-1975. Chast' 2 [The history of construction of some streets, buildings, and events in the socialist city associated with Ural Heavy Machine Building Plant. 1929-1975. Part 2]. Sverdlovsk–Uralmash. Rukopis' iz fonda muzeja Istorii Uralmashzavoda, 1984.
- Verezubov I.K. K voprosu o probleme socialisticheskogo goroda [On the issue of socialist cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 13-16.
- Viktorov B. *Socialistichni mista Donbasu* [Socialist cities of Donbas]. Harkiv: «Shljahi Industrializacii», 1930.
- Barshh M.O., Ginzburg M.Ja. Zelenyj gorod [The Green City], *Sovremennaja arhitektura*, 1930, no. 1-2, pp. 20-37.
- Barshh M., Vladimirov V., Ohitovich M., Sokolov N. Magnitogor'e. K probleme genplana [On the issue of master plan], *Sovremennaja arhitektura*, 1930, no. 1-2, pp. 38-56.
- Bauhaus na Urale. Sohranenie nasledija: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [Bauhaus in the Ural region. The preservation of heritage: international research seminar proceedings], 22-24 avgusta 2008 g., Ekaterinburg. Ed. by L.I. Tokmeninova. Ekaterinburg: Vebster, 2010.
- Goroda mechty, kotorye ne poluchilis'* [Dream cities that failed]. Available at: <http://neobychno.com/21941/goroda-mechty/> (Accessed 30 November 2016)
- Grechuho V. Za chjotkij arhitekturnyj oblik socialisticheskikh gorodov [For a clear architectural look of socialist cities], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 1, pp. 9-10.
- Ekaterinburg: istorija goroda v arhitekture* [Yekaterinburg: the city history in architecture]. Ekaterinburg: «Sokrat», 2008.
- Efremov N.D. O normah planirovki gorodov [On urban planning norms], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 2, pp. 10-12.
- Zaslavskij A. Protiv iskrivlenija klassovoj linii v stroitel'stve socialisticheskikh gorodov [Countering the distortion of class policy in the building of socialist cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 24-25.
- Il'chenko M.S. Sovetskaja avangardnaja arhitektura glazami postsovetskogo cheloveka: sud'ba DK UZTM [The Soviet avant-garde architecture through the eyes of post-Soviet man: the fate of Palace of Culture of Ural Heavy Machine Building Plant]. *Budushhee proshlogo: futurologija* DK UZTM [The future of the past: futurology of Palace of Culture of Ural Heavy Machine Building Plant]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaja akademija sovremenogo iskusstva, 2014.
- Kommunal'nyj avangard: kat.-putevoditel'* [Communal avant-garde: a catalogue-guidebook]. Ed. by Elena Belova, Alisa Savickaja. Nizhnij Novgorod, 2011.
- Konyshva E.V., Meerovich M.G. *Ernst Mai i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh piatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and the planning of socialist cities during the first five-year plans (the case of Magnitogorsk)]. Moscow: LENAND, 2012.
- Kosenkova Ju.L. Rabota nad proektami planirovki Novosibirskaja v 1920-1930-e gody [The work on Novosibirsk planning projects in the 1920s-1930s], *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-1930-h godov: Novye issledovanija i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s-1930s: new research and materials]. Ed. by Ju.L. Kosenkova. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010, pp. 202-229.
- Kosenkova Ju.L. *Sovetskij gorod 1940-h pervoj poloviny 1950-h godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet city in the 1940s to the first half of the 1950s: from

- creative search to the practice of building]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.
- Krekshin E. Gorod zavoda zavodov [A city associated with the plant of all plants], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 5, pp. 63-66.
- Makarov E.M. *Otec zavodov. Oчерki iz istorii Uralmashzavoda*. [The father of all plants. Essays from the history of Uralmash]. Moscow: Sovetskaja Rossiya, 1960.
- Maller S. Dom-pila [The saw house], *Za tjazhjoloe mashinostroenie*, 1982, June 16.
- Meerovich M.G., Konysheva E.V., Hmel'nickij D.S. *Kladbishhe socgorodov: gradostroitel'naja politika v SSSR (1928-1932 gg.)* [A cemetery of socialist cities: urban planning policy in the USSR (1928-1932)]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN), 2011.
- Miljutin N.A. *Problema stroitel'stva socialisticheskikh gorodov* [The problem of socialist cities' construction]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930.
- Obermair V., Shapiro-Obermair E. *Bol'shaja Moskva, kotoroj ne bylo. Zdanija sovetskogo avangarda v sovremennoj Moskve* [The big Moscow which didn't exist. Soviet avant-garde buildings in contemporary Moscow]. Vienna: SCHLEBRÜGGE.EDITOR, 2008.
- O socialisticheskikh gorodah [On socialist cities], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 5, pp. 1-6.
- Ohitovich M. Zametki po teorii rasselenija [Notes on the theory of resettlement], *Sovremennaja arhitektura*, 1930a, no. 1-2, pp. 7-16.
- Ohitovich M. Otchego gibnet gorod? [What causes the city's death?], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930b, no. 1, pp. 9-11.
- Papernyj V. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Pervaja konferencija obshhestva sovremennykh arhitektorov v Moskve. Informacionnye doklady delegatov s mest [The first contemporary architects society conference in Moscow. Presentations by delegates from the regions], *Sovremennaja arhitektura*, 1928, no. 4, pp. 120-122.
- Pokshishevskij Z.N. Za kompaktnyj gorod [For a compact city], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 6, pp. 26-29.
- Popov F. K voprosu o planirovke gorodov [On the question of urban planning], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 5, pp. 14-16.
- Popov F. General'nyj proekt Bol'shogo Zaporozh'ja [The master project of Big Zaporozhye], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 6, pp. 11-15.
- Post-Fordizm: koncepcii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: concepts, institutions, and practices]. Ed. by M.S. Il'chenko, V.S. Mart'janov. Moscow: ROSSPEN, 2015.
- Predposylki rekonstrukcii zhilykh rajonov Moskvy [Preconditions for the reconstruction of Moscow's residential areas], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 4, pp. 35-38.
- Progulki za iskusstvom: Leningrad – Moskva – Sverdlovsk* [Walks for art: Leningrad-Moscow-Sverdlovsk]. Saint-Petersburg: «Institut PRO ARTE», 2008.
- Puzis G. O metodah ischislenija naselenija v planirovke naselemykh mest [On the methods of calculating population in the planning of settlements], *Sovetskaja arhitektura*, 1931, no. 3, pp. 4-7.
- Puzis G. Puti novogo rasselenija [The ways of new resettlement], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 11-14.
- Rejsher M.V. Zhizn', posvjashhonnaja gorodu [A life devoted to the city], *Strojkompleks Srednego Urala*. 2001-2002. December-January.
- Sabsovich L.M. *Goroda budushhego i organizacija socialisticheskogo byta* [Cities of the future and the organization of socialist life]. Moscow, 1929.
- Sabsovich L.M. Novye puti v stroitel'stve gorodov [New ways of building cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 3-5.
- Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-1930-h godov: Novye issledovanija i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s to the 1930s: New research and materials]. Ed. by Ju.L. Kosenkova. Moscow: publishing house «LIBROKOM», 2010.

- SSSR na strojke [The USSR at the construction site], 1932, July, no. 7.
- Tokmeninova L. *Vodonapornaja bashnja UZTM* [The Uralmash water tower]. Ekaterinburg: TATLIN, 2011.
- Tolokoncev A.F. *Detishhe pjatiletki* [The brainchild of the five-year plan period], Ural'skij zavod tjazhjologo mashinostroenija [Ural Heavy Machine Building Plant]. 1928-1933. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo; Moscow, 1933.
- S chego on nachinal'sja [What it began from], *Za tjazhjoloe mashinostroenie*. 22 October 1974.
- UZTM – Socgorod! [Ural Heavy Machine Building Plant is a socialist city!], *UZTM. Proizvodstvenno-tehnicheskij zhurnal Ural'skogo zavoda tjazhjologo mashinostroenija*, 1933, no. 3, July-August, pp. 17-21.
- Unpelev G. Rozhdenie Uralmasha (1928-1933 gg.) [The birth of the Uralmash (1928-1933)]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskij literatury, 1960.
- Ural'skij zavod tjazhjologo mashinostroenija [Ural Heavy Machine Building Plant]. 1928-1933. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo; Moscow, 1933.
- Ural'skij mashinostroitel'nyj zavod v Sverdlovsk (proekt) [Ural Heavy Machine Building Plant in Sverdlovsk (a design)]. Leningrad: Izd-e gos. Ins-ta po proektirovaniju novyh metallozavodov, 1928.
- Chepkunova I. *Kuznica bol'shoj arhitektury. Sovetskie konkursy 1920-1950-h* [Creating great architecture. Soviet architecture competitions in the 1920 to the 1950s]. Moscow: Iskustvo XXI vek, 2014.
- Chernja I. Goroda socializma [Cities of socialism], *Revoljucija i kul'tura*, 1930, no. 1, pp. 11-16.
- Jakovleva G.N. Koncepcija centra v general'nom plane Moskvy 1935 g. [The concept of centre in the 1935 master plan of Moscow], *Han-Magomedovskie chtenija : [materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 18-20 janvarja 2012 g.]* [Han-Magomedov Readings: the scientific conference proceedings, 18-20 January 2012]. Filial FGBU «CNIIP Ministroja Rossii» NIITIAG; sost.: Ju.P. Volchok, A.N. Selivanova; otv. red.: I.A. Bondarenko. Moscow, St. Petersburg: Kolo, 2015, pp. 322-332.
- Paper Architecture. New Projects from the Soviet Union*. Ed. by H. Klotz. New York: Rizzoli, 1990.